

Чу Юй за два дня нашёл работу на автомойке в пригороде.

Он был проворным, мало говорил, быстро работал, хозяйке он очень нравился. Зарплата рассчитывалась по отработанному времени, не слишком высокая, но с проживанием — в кладовке за автомойкой, и ещё дали надувной матрас.

Сказал три дня — значит три дня, Чу Юй был человеком слова, но на четвёртый день всё же не ушёл — Сун Цзиньчэнь сказал, что ему нужна помощь, и задержал его ещё на день.

Чу Юй не мог придумать, чем ещё, кроме как обладанием дырочкой, пригодной для траха, он мог быть полезен Сун Цзиньчэню, и на душе было беспокойно. Если бы не неудобства из-за физиологических особенностей, он бы с радостью сразу же пошёл спать в кладовку.

Днём он, подняв полотенце, мыл машины, грубая водоотталкивающая рабочая форма колола грудь, словно иголками, кусала, как муравьи. Каждый раз в такие моменты ему приходилось наклоняться и под предлогом выжимания полотенца украдкой потирать грудь, чтобы немного облегчить состояние.

Первая менструация постепенно утихла, и хотя Сун Цзиньчэнь не трогал его по-настоящему, но поиграл с его двумя маленькими грудками так, что те покрылись синяками.

Соски ободрались, днём в свободное время покрывались корочкой, а ночью их снова разминали, обломки корочек впивались в чувствительные сосочки, затем языком мужчины тщательно вычищались, дезинфицировались и смазывались мазью.

Если так продолжится, боюсь, умрёт ещё быстрее, чем ночуя на улице.

Ночью, когда его обнимали и сосали грудь, Чу Юй наконец не выдержал и рассердился, решительно собрался уходить. Только тогда Сун Цзиньчэнь сказал ему, что возьмёт его на деловые переговоры, у другой стороны есть драгоценная дочь, ровесница, молодым есть о чём поговорить, и Чу Юй должен составить компанию.

— Какое мне до этого дело?! Я не пойду! Отвали! — Чу Юй пришёл в ярость, не веря, что из-за такой причины он два дня зря мучился. Эта неприятная обязанность — даже за миллион он бы не стал её выполнять.

Он перевернулся, спрыгнул с кровати, побежал в кабинет, схватил две пригоршни красных купюр, швырнул в дорожную сумку — прямо как грабитель.

Сун Цзиньчэнь, прислонившись к дверному проёму, смотрел, а когда тот, волоча сумку, бодро и гордо проходил мимо, схватил его за талию, дёрнул к себе и, как обычно, поцеловал в лоб, кончик носа и губы. Чу Юй терпеть не мог такой способ целования, словно дурман, он пинался, толкался, но постепенно обмяк, полупротивился-полуподдался, и его снова прижали к

дверному косяку, мнут грудь, а бёдра уже стёрлись до кожи.

На следующий день Сун Цзиньчэнь повёз Чу Юя в частный загородный клуб на встречу. Чу Юя насильно раздели, сняв старую одежду, переодели в молодёжный, жизнерадостный наряд, пригласили специалиста домой делать причёску.

Его ёжик сбрызнули липкой душистой водой, уложили феном, он покорно лег на голову, зафиксировался в очень модной стрижке. Он от природы был красив, в таком виде походил на молодого аристократа.

Сун Цзиньчэнь в машине обнял его и через джинсы трогал зад, те немногие мягкие места, которые эластичная ткань формировала в округлые, милые очертания. Чу Юй в душе ругал этого Сун за извращенца, но сам не мог удержаться, чтобы не сжать ноги.

Врождённый дефект всегда даёт естественное чувство неполноценности, даже если дефект незаметен. Чу Юй никогда не носил таких облегающих брюк, всегда чувствовал, что теснота равносильна обнажению, люди увидят, что у него внизу не хватает детали, и решат, что его можно унижать.

— Там внутри много развлечений, хочешь — играй во что нравится, мне нужно обсудить дела, только не уходи далеко.

— Разве не нужно составлять компанию той девушке? — спросил Чу Юй.

— Не нужно, играй как хочешь, — равнодушно сказал Сун Цзиньчэнь, ещё и потрогав его за шею. — Не стесняйся.

Чу Юй с сомнением кивнул и вышел из машины вслед за ним.

Частный загородный клуб занимал обширную территорию, хозяин — магнат гостиничного бизнеса, постоянно проживал за границей. Это место было общим задним двором для богатых, естественным, роскошным, многие знатные дамы по выходным устраивали здесь вечеринки, салоны, болтали о детях и любовницах. Мужчины же проводили дегустации вин, играли в гольф, открыто хвастаясь молодостью и красотой своих любовниц.

Чу Юй вслед за Сун Цзиньчэнем поздоровался с людьми, после чего его и мисс Цзи вместе удалили.

— Ты кто мистеру Сун? — мисс Цзи искала тему для разговора. — Племянник или внучатый племянник? Эй, сколько тебе лет?

— Двадцать, — у Чу Юя болели бёдра, не было настроения с ней общаться, он подпирал щёку рукой и смотрел на сверкающую озерную гладь, где чёрный лебедь пил воду, покачивая шейей.

— О, ты на два года старше меня, совсем не похоже, но ты и правда красивый, как стажёр. — У мисс Цзи был очень естественный и прямой характер, она не улавливала чужие эмоции. — Я ещё младше тебя, а мой папа хочет, чтобы мистер Сун стал моим парнем, мне же всего восемнадцать, скажи, они что, с ума сошли?

— Угу, сошли, — Чу Юй положил голову на руки и машинально ответил, только потом осознав, о чём она говорит.

Так вот в чём дело, какое там составлять компанию богатой барышне — это встреча уже переспавшей любовницы с ещё не вошедшей в дом женой. Чу Юй не мог понять намерений Сун Цзиньчэня: то ли он хотел унижить его, то ли мисс Цзи, то ли тайно мечтал о гареме жен и наложниц?

Однако, взглянув на жизнерадостный и яркий облик мисс Цзи, он отбросил эти догадки. Оба были восемнадцатилетними, но ему приходилось, терпя унижения, лезть в постель к Сун Цзиньчэню, чтобы выжить, ради нескольких пачек красных купюр не смея и пикнуть. А мисс Цзи могла открыто выйти замуж за Сун Цзиньчэня и стать беззаботной богатой госпожой, да ещё и не хотела.

Чу Юй как-то листал словарь Чу Хуаня, такой, где внизу страницы печатают хорошие английские фразы, на одной странице внизу было написано: «Кто-то живёт в высотках, кто-то — в канавах, кто-то сияет, а кто-то покрыт ржавчиной».

Он и был той ржавчиной в канаве.

Мисс Цзи не знала, что Чу Юй прикрыл глаза не потому, что солнце слишком слепило. Увидев, что Чу Юй не обращает на неё внимания, она тоже села и сама стала играть в телефон. Чу Юй почувствовал, как рядом кто-то сел, повеяло лёгким сладким ароматом дорогих духов, раздался милый звук клавиш с пузырьками. Он спрятал лицо в локти — мисс Цзи была не противной, но она вызывала в нём отвращение.

Под белым тентом Сун Цзиньчэнь и господин Цзи, обсуждая зависимость скорости замаха от материала клюшки, приблизились к столу и сели. Господин Цзи был фанатом гольфа, говорил без умолку, Сун Цзиньчэнь лишь улыбался, издали увидев, как двое молодых возвращаются.

— Папочка! — мисс Цзи помахала рукой, подпрыгивая, вбежала внутрь. — Умираю от жары, мой макияж совсем поплыл от солнца, посмотри на мой нос, уже шелушится?

— Вот ребёнок, совсем невоспитанный, где это видано, чтобы девушка так себя вела! — господин Цзи дёрнул её за руку. — Цзиньчэнь, не смейся над нами.

— Хочу пить! Я хочу воды! — Она притащила стул и села, нарочно громко скрипнув, села и стала наливать воду.

Сун Цзиньчэнь фальшиво улыбнулся и покачал головой:

— Ничего, девочка же.

Повернул голову и увидел Чу Юя, стройного и прекрасного, перед глазами, солнце сделало его ещё на несколько тонов белее, он растянул губы в улыбке, затем наклонился и нежно поцеловал Сун Цзиньчэня в щёку.

— Папочка, я тоже хочу пить.

Сун Цзиньчэнь остолбенел, заметив лишь, что в мгновение его улыбки в уголке рта, кажется, появилась маленькая ямочка.

При ярком свете дня осмелеть до такого, товарищ Сяо Чу в следующей главе снова получит по полной.

Никто не проронил ни слова, только тот юноша, одержавший победу, смеялся всё ярче и беззаботнее.

Сун Цзиньчэнь, упёршись кончиками пальцев, опустил веки, помолчал, встал, сказал «извините, ненадолго», схватил Чу Юя за запястье и зашёл в холл внутри.

Он был здесь постоянным гостем, каждый раз приводил разных мужчин и женщин, теперь прямо так и потащил Чу Юя на второй этаж. Чу Юй по спине Сун Цзиньчэня прочёл ярость и даже рассмеялся: «Что в тебе такого особенного, я ведь одним словом могу заставить тебя сбросить эту культурную волчью шкуру».

Чу Юя втокнули в комнату, он упал на оттоманку, услышал, как Сун Цзиньчэнь повернул ключ в замке, настороженно перевернулся и встал, шаг за шагом отступая к окну, спиной к окну глядя на мрачного мужчину.

Сун Цзиньчэнь не сразу подошёл преподавать ему урок, а сел, выдвинул несколько ящичков в журнальном столике, вытащил оттуда маленькую квадратную коробочку, открыл, вытряхнул несколько квадратных фольгированных упаковок, затем, взяв одну, за два-три шага длинными ногами оказался перед Чу Юем.

— Улыбнись ещё раз, — Сун Цзиньчэнь взял его лицо в руки.

Зрачки Чу Юя сузились, глаза округлились, чистые белки. Затем он задрал подбородок, тоже не желая уступать, прижал обратно, уголки губ отказывались подниматься ни на йоту.

— Держи, — Сун Цзиньчэнь не стал настаивать на этом, просто поднёс презерватив ко рту Чу

Юя. Чу Юй бросил на него взгляд, взял зубами за уголок. Сун Цзиньчэнь снова потрогал его за щёку и сказал:

— Уронишь — выброшу тебя отсюда.

<http://bllate.org/book/15448/1370460>